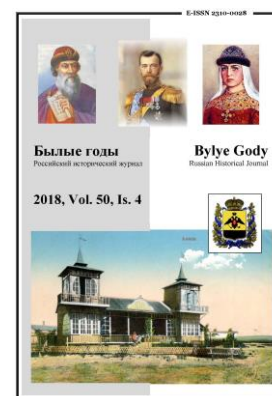

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1334-1346. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1334
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

ARTICLES

Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, b, *}, Vladimir G. Ivantsov ^c, Michal Šmigel ^d, Sergei N. Bratanovskii ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^d Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

^e Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article analyses the process of transformation of the institution of the slave trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries. There were used as materials a variety of sources and special literature on various aspects of the research topic.

The authors came to the conclusion that the slave trade in the Caucasus had its own characteristics and stages determined by the development of the historical process with a significant role of external factors. So, in the period of influence of Byzantium the slavery in the Caucasus with its components was relatively undeveloped. The situation has changed fundamentally with the fall of Byzantium, after which a stream of slaves flooded from the Caucasus into the Ottoman Empire.

The development of the slave trade in the Caucasus has had the undeniable negative consequences: as a result, the export to slave markets of the best in their qualities of men, women and children; the initiation of feudal strife and the organization of raids to capture prisoners. However, the slave trade has become an important economic component in the relationship of the Ottoman Empire with the highlanders of the Caucasus and their political orientation towards Istanbul.

Keywords: slave trade, Caucasus, Byzantium, Ottoman Empire, Georgia, Crimea, Egypt, caucasian place names.

1. Введение

История работорговли на Кавказе может быть разделена на три хронологических этапа: первый – IV–XV вв., второй – XVI–XVIII вв. и третий – XIX в. Такое разделение на этапы связано с интенсивностью работорговли в регионе и как следствие наличием присущих только данному этапу исторических источников¹.

* Corresponding author

E-mail addresses: sochio03@rambler.ru (A.A. Cherkasov), michal.smigel@umb.sk (M. Smigel)

¹ Однако будет несправедливо не отметить наличие и других периодизаций кавказской работорговли. Так, например, Т.А. Дзуганов выделяет три основных этапа в истории черкесской работорговли, которые условно обозначает как «Византийский» – с IV по XII вв., «Латинский» – с XIII по XV вв. и «Турецкий» – с XVI по начало 1860-х гг. По его мнению, такая этапизация связана с позицией изменений в геополитической ситуации в Черноморском регионе и сменой доминирующих держав (Дзуганов: 2015: 17).

Первый этап, в сравнении с последующим временем, характеризуется незначительным развитием специфического промысла кавказских горцев – захватом пленных на собственной территории с целью последующей продажи на невольничьих рынках Ближнего Востока. В этот период определяющей причиной потерь населения являлись даже не их продажа в портах Западного Кавказа, а гибель и угон людей в результате вторжения в регион различных завоевателей. Во второй половине XIII века кавказские народы испытали тяготы монголо-татарского завоевания. В конце XIV – начале XV вв. Закавказье подверглось вторжению и разграблению войсками среднеазиатского эмира Тимура (Тамерлана).

Монголо-татары захватывали большое количество пленников. Однако их экономика не нуждалась в значительном количестве рабочих рук. В основном в плен брались ремесленники (их отправляли на строительные работы), образованные люди (их знания использовали по назначению), женщины (для пополнения гаремов и как служанки) и также дети. Только часть рабов-мужчин использовалась в качестве пастухов и земледельцев, большинство становилось слугами, потому что такой массы рабов татаро-монголам было ни к чему, вначале многие за ненадобностью были просто убиты. Позднее их начали продавать. Процветающая работорговля приносила большой доход (Бахтин, 2012: 38).

Следует отметить, что вторжения на Кавказ соседей-завоевателей продолжались и в последующем. В XVI–XVIII вв. ареной борьбы между Персией и Турцией стало Закавказье. Тяжелый урон в этом понесла распавшаяся на независимые царства христианская Грузия. Так, в результате походов войск персидского шаха Аббаса I в первой четверти XVII в. только в Кахетии погибло 100 тыс. человек, а 200 тыс. было угнано в Персию. Отторжение Турцией территорий Юго-Западного Кавказа сопровождалось насилием и продажей в рабство многих жителей края (Отечественная история, 1994: 644).

Начало второго этапа работорговли было связано с падением Византии, которая на протяжении почти одной тысячи лет оказывала цивилизационное влияние на Кавказ и имела союзниками Грузию, Абхазию и Сирию. Падение Византийской империи в 1453 г. под ударами турок-сельджуков и создание Османской империи предопределили глобальные изменения на Кавказе, усиление ее позиций в горских обществах привели к расцвету работорговли. Повсеместно на берегу Черного моря создаются работорговые рынки, с которых в значительных масштабах перепродаются пленники и рабы.

На третьем этапе идет постепенное угасание масштабов работорговли и, в конечном счете, ее прекращение, что было связано с появлением на Кавказе нового игрока – Российской империи.

До третьего этапа, судя по источникам, рабы на Кавказе стояли вне норм обычного права горцев – адатов (История народов, 1988: 109). В связи с этим владельцы рабов имели право на их продажу, при этом разделяя семьи, и даже на жизнь рабов. С установлением у горских народов законов и порядков Российской империи владельцы рабов были лишены права личного распоряжения их судьбой, а убийство раба было приравнено к уголовному преступлению.

После Андрианопольского мира 1829 г. Северный Кавказ становится зоной внутренней политики России и работорговля на Черноморском побережье была официально запрещена. Однако контрабандная торговля при негласной поддержке Турции еще долго продолжалась. Ограничению контрабанды живым товаром способствовало крейсирование с 1830-х гг. русских военных кораблей вдоль восточного берега Черного моря.

Важнейшими факторами прекращения работорговли стало завершение Кавказской войны, исход причерноморских народов Северо-Западного Кавказа в Турцию, осуществление Россией программы крупных политико-административных и экономических преобразований в крае.

В статье ставится задача проанализировать особенности и обусловленность этапов работорговли, выявить роль внешних факторов, в первую очередь Османской империи, в стимулировании работорговли, выяснить материальную заинтересованность в продаже рабов, специфику и механизмы работорговли и ее последствия.

2. Материалы и методы

Материалами для написания статьи послужили документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), опубликованные документы в Актах Кавказской археографической комиссии, а также научные публикации из современной периодической печати.

Методологическую основу историко-сравнительного исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ рабовладельческих явлений в развитии и контексте исторической обстановки. В ходе работы применялись общенаучные методы: логический, классификационный, метод факторного анализа и др., а также такие специальные методы исследования, как сравнительный, статистический и типологический.

3. Результаты

Ограниченный институт рабства и работорговли в Византии ввиду ее долгого влияния на Кавказе не являлся фактором, способствующим развитию рабства у кавказских горцев.

Источники свидетельствуют, что рабы в Византии использовались как домашние слуги, в ремесленном производстве и в сельском хозяйстве. Они выполняли в основном неквалифицированную работу, за исключением рабов в богатейших семействах. В тех случаях, когда в больших хозяйствах имелась необходимость в людях отдельных профессий, не приобретали новых рабов, а обучали уже имевшихся. Многие из домашних рабов получали волю по завещанию или при уходе хозяина в монастырь, при этом бывшие рабы могли продолжать оставаться в хозяйстве и трудиться уже на себя (Браунинг, 1958: 41, 43).

Рабство в сельском хозяйстве Византии не было определяющим, так как большинство земель обрабатывали арендаторы-парики и наемные рабочие (Браунинг, 1958: 46–47). После 1100 года в отношении к военнопленным происходят изменения. Многие источники свидетельствуют, что их расселяли на землях в качестве уплачивающих дань крестьян и воинов, а не продавали как рабов. В это время четко обозначился процесс сокращения рабского труда.

Источниками рабства в Византии были естественный прирост, война и работорговля.

Естественный прирост был обусловлен постепенным облегчением заключения брака у рабов, что способствовало естественному приросту в их семьях. При этом семейные рабы, как правило, не подлежали разлучению. Помимо этого, рабов часто отпускали на свободу, не редки были браки между рабами и свободными. Следует отметить, что естественный источник пополнения рабов был наименьшим в Византии.

Война. Военнопленные повсеместно являлись собственностью тех, кто взял их в плен. Часть военнопленных поступала в собственность императора, но основная масса – военачальникам и младшим командирам.

Что касается **работорговли**, то известно о функционировании невольничьего рынка в Константинополе. Подобно многим другим видам импорта, рабы, ввозимые на территорию империи в порядке торговли, облагались налогом в размере 5 % их стоимости. Имелись три главных источника работорговли: Италия, Болгария и Южная Русь.

Уже в IX веке византийские города Италии были центрами оживленной торговли рабами как с Византией, так и с арабским миром. Например, проданные в рабство моравскими властями ученики Кирилла и Мефодия попали к еврейскому торговцу рабами в Венеции, у которого они были куплены и отпущены на волю агентом Василия I. Этот и другие примеры свидетельствуют, что рынки рабов в Италии получали свой товар со всех концов Западной, Центральной и Северной Европы, так как там имелся избыток людских ресурсов на протяжении большей части средневековья. После утраты в 1071 г. византийских владений в Южной Италии Венеция и Пиза стали главными центрами, через которые проходила торговля рабами.

Болгарское царство являлось, по-видимому, одним из главных поставщиков рабов, ввозимых в Византию в IX–X вв. Эти рабы, однако, сами не были болгарами и поступали из более отдаленных стран. У южнославянских народов в ранний период их истории рабы не находили широкого использования. Рабы представляли собой небольшую потребительскую стоимость и для болгар. Но вскоре они поняли, что рабы имеют высокую меновую стоимость, и с начала X в. болгары стали активно заниматься транзитной работорговлей. Византийские пленные экспортировались или в Западную Европу, или в арабские страны. После разгрома болгарского государства византийцами в начале XI в. сообщения о болгарских работорговцах встречаются реже, а о рабах-болгарах – чаще.

Другие восточноевропейские народы также пытались играть роль поставщиков рабов в Византийскую империю. Арабские и византийские источники сообщают, что венгры продавали в Византию как своих собственных подданных славянского происхождения, так и болгарских пленных в обмен на золото, шелковые ткани и другие товары.

Начиная с X столетия, имеется немало сведений о русских работорговцах в Константинополе. Русско-византийский договор 911 года говорит о русских торговцах, прибывающих в Константинополь «с рабами, по-видимому предназначенными для продажи». О русских работорговцах в Константинополе специально упоминает и договор 944 года. Кроме того, рабы из Руси часто проходили через руки печенегов, половцев, кипчаков и других степных кочевых народов, а также благодаря посредничеству жителей Крымского полуострова (Браунинг, 1958: 48–52).

В начале XII века, после Долобского съезда (1103), половцы были вытеснены Святополком Изяславичем и Владимиром Мономахом на Кавказ, за Волгу и Дон. На Кавказе половцы поступили на службу к грузинскому царю Давиду Строителю. Они помогли очистить Грузию от турок-сельджуков, составляя ядро грузинской армии (Surguladze, 2015: 60–122).

В это время уже происходили изменения в характере торговли в восточном Средиземноморье, начало которого было положено предоставлением Венеции торговых привилегий в 992 г. и договором Мануила I с генуэзцами в 1169 г. По сути дела Византия передала им выгодную черноморскую торговлю. Торговцы не сидели только в портах, ожидая товар из внутренних областей. В начале XII в. «греко-готские» купцы начали появляться даже далеко на севере, к примеру в Новгороде.

Экономической основой широкого движения рабов из Северной Европы в Византию было то, что стоимость их возрастала при их перевозке, во-первых, в район с более высоким уровнем производства, во-вторых, в район, настолько удаленный от их родных мест, что не было необходимости охранять раба или заковывать его в цепи, чтобы он не убежал. Именно этот второй момент объясняет, почему так редко упоминаются болгарские рабы в Константинополе, пока существовало болгарское государство и его войско время от времени появлялось у стен самого города.

Рабами, принадлежащими государству, становились и лица, осужденные за некоторые преступления; они использовались в рудниках, каменоломнях и на других тяжелых работах. У нас нет данных об их численности. Нет также оснований полагать, что они продавались государством другим собственникам. Поскольку рабы подобного типа существовали также в соседних государствах, таких, как Болгария, рабы-каторжники могли попадать в Византию и из-за границы при посредстве работорговцев. Дополнительными источниками были и продажа в рабство самого себя или продажа детей в случае крайней бедности, т.е. когда голод или война отнимала у них все другие средства к существованию, например, в византийской Болгарии, позже в Черкесии и в других местах (Браунинг, 1958: 53–54).

Как уже отмечалось, работорговлю вначале вели венецианцы (X–XII вв.), затем генуэзцы (XIII–XV вв.), снова венецианцы (XV–XVII вв.) и с конца XVII века работорговля перешла к туркам. Очевидно, что генуэзцы и венецианцы ревниво оберегали свою монополию на этот вид коммерции, приносивший значительную прибыль. Так, каждый рейс с невольниками приносил работорговцу 400–500% прибыли, а в начале XV в. только пошлины с вывоза рабов составляли в Венецианской республике 50 тыс. дукатов в год, это не говоря уже о коммерческой выгоде (Seeräuberei, 1940: 32).

В XIII веке существовала монополия каффинских генуэзцев на работорговлю в бассейне Черного моря, то есть скупать рабов на побережье и вдоль речных торговых мест мог кто угодно, но после товар доставлялся в Каффу (Феодосию) и перепродавался генуэзцам, единственным, кто имел лицензию на вывоз рабов, в том числе в страны Средиземного моря (Возгин, 2011: 92).

В XIV–XV вв. одним из главных источников поступления рабов на рынки Западной Европы и Египта был Циркумпонтийский регион, откуда рабы вывозились через Каффу, Тану (Азов) и Перу (Галата). Ограниченное значение имели другие генуэзские фактории Северного и Восточного Средиземноморья, а также крупнейший эмпорий Понта – Трапезунд. Именно в Трапезунде производилась покупка и погрузка рабов-черкесов (Quirini-Popławska, 1998: 165). Оживление работорговли было связано с целым рядом обстоятельств, среди которых увеличение спроса на рабов как в Европе, так и в мамлюкском Египте и Леванте. Итальянцы быстро вытеснили египетских купцов, закупавших рабов в Крыму и вывозивших их через Константинополь, и стали хозяевами положения. Из Таны, Сухуми и Трапезунда генуэзцы и венецианцы отправлялись в земли Орды или мелких феодальных князей Западного Кавказа для приобретения рабов.

Согласно С.П. Карпову, который исследовал картулярии венецианских нотариусов и проанализировал этнический состав рабов, в конце XIV – начале XV вв. (1381–1408 гг.) в Генуе рабы черноморского происхождения составляли 80,7 % из общего состава рабов, а внутри этой группы преобладали татары – 79,3 %, черкесы – 8,9 %, русские – 6,7 %, абхазы – 1,5 %, аланы и мингрелы. В дальнейшем в Генуе рабы черноморского региона составляли 85 % (в первой четверти XV в.) и 91 % (в середине XV в.). Удельный вес татар за этот период понизился с 63% до 20% и также черкесов – соответственно с 28 % до 20 %. Количество русских рабов, напротив, возросло с 20 % до 41,6 %.

В Венеции во второй половине XIV – в первой половине XV вв. также преобладали татаро-монгольские рабы. Рабы кавказского происхождения (черкесы, абхазы, аланы, грузины, мингрелы) значительно уступают им по численности и при этом систематически упоминаются лишь с XV в.

Во Флоренции во второй половине XIV в. 75,75 % из общего состава рабов составляли татары, 8,4 % – греки, 3,6 % – русские, 2,2 % – турки, 1,4 % – боснийцы или словенцы, 1,1 % – черкесы, 0,3 % – критяне и 6,2 % – «сарацины».

В Южной Италии в XIV–XV вв. среди рабов, происходивших из бассейна Черного моря, преобладали главным образом татары и впоследствии черкесы при малочисленности абхазов и мингрелов (Карпов, 1982: 197). В Кандии – столице Крита – объектами сделок, наряду с мужчинами, были в основном женщины: турчанки, татарки, гречанки, русинки, аланки, куманки (Quirini-Popławska, 1998: 165).

В Тане – центре работорговли на Азовском море – в 1350–1360-е годы татаро-монголы составляли 84 %, черкесы – 11 %, аланы – 3 %, русские – 2 %, евреи – 0,5 %. Хотя известно, что в конце XIV – начале XV вв. начинает снижаться общее число татарских рабов, они в тот период продолжали оставаться важнейшей этнической группой среди рабского населения Италии и ее факторий.

В конце XIV – начале XV вв. на рынках в Трапезунде составляли рабы с Западного Кавказа 72,7 % (этнический состав рабов: черкесы – 37,5 %, мингрелы – 37,5 %, аланы и абхазы по 12,5 %), а 27,3 % составляли вместе взятые татары, греки и евреи (Карпов, 1982: 196, 198).

Сравнение приведенных данных наглядно иллюстрирует тот факт, что в Трапезунде «кавказские» рабы представлены значительно больше, чем в Италии и факториях Северного Причерноморья. Это показатель того, что экспорт татар осуществлялся через Каффу, Тану и фактории Крыма (минуя Трапезунд). С другой стороны, Трапезунд служил эмпорием для Западного

Кавказа, связи с которым были обширны. Поэтому в нем и представлены гораздо чаще такие этнические группы, как черкесы, мингрелы, аланы и абхазы (Карпов, 1982: 198–199). Вопрос все же состоит в другом: в какой степени народы Западного Кавказа (и особенно черкесы) принимали участие в этой работорговле?

Прежде всего следует подчеркнуть, что экономика Черкесии, в силу своего натурального характера, не зависела от использования труда рабов и, вероятно, не стимулировала местную работорговлю. По-видимому, рабы здесь не находили широкого использования и велась, в основном, транзитная работорговля (аналогично южнославянским народам в ранний период их истории). Как свидетельствуют источники, уже к X в. ведущей отраслью экономики адыгских народов было пашенное земледелие. Довольно развитым было скотоводство и ремесло. Сведений об участии в работорговле непосредственно черкесов либо других кавказских народов не имеется, и вряд ли найдется, принимая во внимание монополию генуэзцев и венецианцев на процветающую торговлю рабами в бассейне Черного моря.

По мнению Т.А. Дзуганова, с XIII века черкесы только адаптируют некоторые механизмы черноморской работорговли, речь идет о рекрутинге черкесов в мамлюкскую гвардию египетского султаната при посредничестве генуэзских и венецианских купцов (Дзуганов, 2015: 17–18).

По данным некоторых авторов, дешевле всего ценились татары (поступали на рынки Европы в наибольшем количестве, потому и цена на них была относительно небольшой). Дороже всего ценились русские женщины, а затем черкешенки (Лучицкий, 1886: 19–20).

Если говорить о соотношении полов, то тут проявляется значительное различие между работорговлей в Египет и работорговлей в Европу, что объясняется тем обстоятельством, что в Западной Европе, как правило, гораздо шире использовались рабыни, главным образом в качестве домашней прислуги, а рабы продавались на Восток. В ремесле и сельском хозяйстве Северной Италии рабы использовались мало, даже после убыли рабочих рук в результате пандемии чумы, прошедшей в середине XIV века. Поэтому преобладание рабов – мужчин в фактории – показатель их экспорта на рынки Востока (Карпов, 1982: 200). В этом периоде значительный спрос на рабов требовали византийские, сирийские и египетские плантации сахарного тростника. Рост потребления сахара в Европе (с XII века) вызвал значительное увеличение плантаций в восточном Средиземноморье. Венецианские и генуэзские торговцы в то время не только владели плантациями «медоносной травы» в Леванте, но и создавали новые на Кипре, Сицилии и на Крите (Křížová, 2013: 36).

В середине XIV века экономическая роль рабства в Европе усилилась, что, в свою очередь, углубило экономическую стагнацию и ускорило социальные перемены XIV–XV вв. В дальнейшем экспансия турок-сельджуков временно отрезала поставку рабов из бассейна Черного моря, а образование Османской империи работорговлю снова возобновило.

Как отмечалось выше, **на втором этапе положение с работорговлей на Кавказе** резко изменилось. Причины – падение Византийской империи, распад Грузинского царства и, как следствие, резкая активизация геополитических устремлений сложившейся Османской империи на территории Кавказа.

Причины активизации Османской империи находились в ее духовных практиках. Каждый год мусульмане должны были собирать войска и идти войной против неверных, так как священная война понималась как долг каждого мусульманина. Ш. Летурно в своем исследовании «Эволюция рабства» отмечал, что ислам учил при объявлении войны какому-нибудь народу, ему предлагалось на выбор одно из трех: 1) присоединиться к религии Магомета, и тогда все останется по старому; 2) покориться и платить дань; 3) принять вызов, рискуя тем, что, в случае поражения, мужчины будут преданы смерти..., а женщины и дети будут обращены в рабство (Летурно, 1897: 193–194).

Вначале, после падения Византии, Османская империя заимствовала практику поселения бывших пленников на землю для ее обработки. Однако это продолжалось сравнительно недолго, и в 1530-х гг. эта практика была отменена (Новичев, 1978: 67).

Усиление влияния Османской империи на Западном Кавказе осуществлялось по следующим направлениям: расширение здесь турецкой торговли; интенсивное мореплавание вдоль кавказских берегов, ничем не ограниченное вплоть до екатерининского времени; целенаправленная деятельность среди горцев турецких эмиссаров; создание поселений (колоний) турок в Батуми, Ахалцихе, Потти, Суджук-Кале, Анапе, где содержались турецкие гарнизоны, и превращение их в центры работорговли.

В XV веке поток рабов из Крыма направлялся на центральный работорговый турецкий рынок Ясыр-пазар, который находился в Стамбуле. Однако к концу XVII в. таких мест стало больше – Синоп и Трапезунд (кроме Стамбула). Появились новые рынки в Персии и Индии, которые также обслуживались османскими работорговцами (Noord en Oost Tartarie, 1692: 382–383).

Взросший спрос в Османской империи на невольников для собственных хозяйственных и военных нужд, для гаремов, а также для вывоза в Египет и другие порты Леванта, породил широкое распространение промысла охоты на людей в среде горских народов Кавказа.

Кавказские племена разделились на составные части – охотников и добычу. Изначально это определялось тем, где они жили – в непроходимых горах или на доступных местах. Но со временем это различие исчезло. Приучаемые с детства к ловле людей, горцы так сроднились с этим выгодным

ремеслом, что принесли его в собственные ущелья. Возвращаясь с охоты в чужом краю, они ставили ловушку соседу, крали его детей, продавали собственных. Выгодная и легкая торговля невольниками порождала всеобщую лень, тунеядство и способствовала развитию хищничества, во время которого добывались пленные (Тенгинский полк, 1900: 191). Как отмечает Е.И. Иноземцева, большинство так называемого «живого товара» на Кавказе составляли пленники, как правило, христиане (Inozemtseva, 2017: 37).

Войска египетских мамлюков и багдадских гюрджей были укомплектованы кавказскими невольниками. Первоначально янычары Турции имели такое же происхождение. Все белые невольники Персии и Турции вывозились с Кавказа. Турецкие гаремы были наполнены кавказскими женщинами (Фадеев, 1860: 17).

В Египте был большой спрос на молодых и хорошо сложенных пленников для пополнения войска Деев, называемого мамлюками; в Константинополе и Леванте продают лиц женского пола для гаремов знатных людей по высокой цене, а остальных пленников и пленниц, которые похуже лицом и не так стройны телом, покупают для домашней работы.

В Египте при покупке пленников наблюдался следующий разбор по нациям: черкес, абхаз, мингрелец, грузин, русский, поляк, венгр, немец и др. Судя по качествам силы, красоты и стройности в теле, ценились в порядке очередности следующие кавказские типы: черкес, мингрелец, грузин, абхаз (Броневский, 1823: 311).

Среди женщин самыми красивыми считались черкешенки. Мамлюки предпочитали покупать себе жен из белых пленниц своей родины.

Интересные материалы о работорговле на Кавказе оставил посетивший Закавказье в 1672–1673 гг. путешественник Ж. Шарден, который проживал в Мингрелии в это время.

Жан Шарден обратил внимание на демографические процессы в Мингрельском княжестве. В частности он отмечал, что население Мингрелии в 1672 г. составляло около 20 тыс. человек, а 30 лет назад оно составляло около 80 тыс. Причинами такого резкого сокращения населения были, по его мнению, войны и работорговля (Путешествие Шардена, 1902: 35).

Жак Шарден отмечал, что с давних времен из Мингрелии вывозилось по 12 тыс. человек обоего пола, из них около 3 тыс. в Константинополь (Путешествие Шардена, 1902: 35). К 1670-м гг. экспорт рабов из Мингрелии составлял около 7–8 тыс. человек (Путешествие Шардена, 1902: 101). Об объемах ежегодных торговых сношений Мингрелии свидетельствуют такие цифры, приведенные Шарденом: несколько десятков кораблей из Константинополя и Каффы и более 60 фелюг из более близких портов Гониэ (вероятно Генуя – Авт.), Ириссы и Трапезунда (Путешествие Шардена, 1902: 35). Важно отметить, что не только рабов вывозили с данной территории, но рабы были самым выгодным товаром благодаря высокой стоимости.

Помимо работорговли, с Кавказа вывозились рабы в качестве дани. Так, имеретинский царь выплачивал Турции в качестве дани ежегодно по 80 человек обоего пола в возрасте от 10 до 20 лет; гурийский князь отправлял по 46 детей (Путешествие Шардена, 1902: 35).

Весьма интересным представляется описание невольничьего рынка в Мингрелии, сделанное Ж. Шарденом. Судно, на котором прибыл Шарден в Мингрелию, пристало в гавани, где на рейде стояло уже 7 кораблей, то есть речь могла идти об оживленных торговых связях: «В 100 шагах от берега лежит площадь длиной в 250 шагов и шириною в 50 шагов, которая является главным рынком в Мингрелии. Посреди проходит улица, по обеим сторонам которой расположены 200 маленьких хижин, сделанных из скрепленных между собой ветвей деревьев. Каждый купец занимает одну хижину: в ней он и спит, и держит такой товар, который может быть продан в два-три дня. Те же товары, которые уже проданы или нет надежды тотчас же сбыть, для большей безопасности хранятся на кораблях... На рынке ничего не было найдено, кроме скованных рабов и дюжины лучников – таможенных надсмотрщиков» (Путешествие Шардена, 1902: 103). Важно отметить, что на рынке в удобной для торговли гавани ничего, кроме невольников, не продавали!

В 1672 г. Жан Шарден стал свидетелем вторжения турок и гурийцев на территорию Мингрелии. Когда мингрельский князь пригласил для защиты от вторжения своих соседей абхазцев и взял с них клятву, что они не будут грабить мингрельцев..., абхазцы начали разорять и жечь территорию Мингрелии. Когда беженцы достигли невольничьего рынка, в гавани были приняты меры предосторожности, капитаны судов спустили для охраны рынка по две пушки и провели всю ночь около орудий (Путешествие Шардена, 1902: 104). На следующий день торговцы осуществили эвакуацию на суда и сделали это весьма предусмотрительно, так как вечером того же дня весь рынок был предан огню абхазцами.

В ходе набега абхазцы увели 1,2 тыс. мингрельцев в плен (Путешествие Шардена, 1902: 111). Наличие в Абхазии такого количества пленников должно было обрушить цены на рабов, поэтому капитан работоргового судна, на котором прибыл Шарден в Мингрелию, заявил, что он едет торговать в Абхазию (Путешествие Шардена, 1902: 104). Война в Мингрелии доставляла купцам выгоду, так как абхазцы приносили на продажу свою добычу.

Торговля велась не только на невольничьем рынке, но и на кораблях. Так, Шарден отмечал, что «однажды на наш корабль пришел знатный абхазец в сопровождении прислуги..., они привели трех

рабов и разную добычу. Среди принесенных вещей была риза с образа, все из серебра. Я спросил у них, куда они дели образ, они ответили, что оставили его в церкви...» ([Путешествие Шардена, 1902: 108](#)).

Шарден в своем повествовании оставил и несколько штрихов к картине жизни на работорговом корабле: «каждый вечер невольников приковывали друг к другу попарно и даже мальчиков, а по утрам цепи снимались» ([Путешествие Шардена, 1902: 107](#)). К тому моменту, как Шарден покинул корабль, на нем уже было 40 невольников. Представляют интерес цены на рабов: «капитан, турецкие купцы и христиане (имеются ввиду греки – Авт.) выменяли их на оружие, платье и другие товары, оценивая последние в два раза дороже, чем купили сами. Мужчины в возрасте от 25 до 40 лет обошлись им по 15 эю, а те, кто был старше, по 8–10 эю. Красивые девушки от 13 до 18 лет шли по 20 эю, другие – дешевле; женщины – по 12, а дети по 3–4 эю. Один греческий купец купил женщину с грудным ребенком» ([Путешествие Шардена, 1902: 108](#)). Описывая купленную греком женщину, Ж. Шарден отмечал: «Женщина была 25 лет с восхитительными чертами белого, как снег, лица. Я никогда не видел более красивой груди, более нежной шеи, имеющих один ровный белый цвет. Эта красивая женщина одновременно возбуждала и желание, и страдание» ([Путешествие Шардена, 1902: 108](#)).

О психологическом состоянии невольников Ж. Шарден писал: «Меня в высшей степени удивляло, что эти несчастные создания не были убиты своим тяжелым положением и даже, казалось, не чувствовали его. Как только они были куплены, с них тотчас же сняли покрывавшие их лохмотья и одели в новое белье и платье, заставив работать. Мужчин и мальчиков употребляли для работы на корабле, а женщин и девушек заставляли шить. Казалось, они были довольны одеждой и пищей, которую им давали, но работа была для них большим трудом, и их часто палкой принуждали к ней» ([Путешествие Шардена, 1902: 108](#)).

В первой половине XVIII в. крупным центром работорговли продолжал оставаться вассально зависимый от Стамбула Крым. Помимо потока пленных из южнорусских и украинских земель, продаваемых в Турцию, большим спросом пользовались рабы с Кавказа. Крымские купцы отправлялись в Черкесию, Грузию, абазинские племена, к калмыкам для приобретения рабов в обмен на привозимые ими товары и увозились в Каффу (современная Феодосия) для последующей продажи как внутри Крымского полуострова, так и в Турцию. Часть черкесов, в виде дани, получал крымский хан. Пейсонель отмечал, что в работорговле наибольшим спросом пользовались жители Черкесии, особенно женщины. «Женщины этой страны (Черкесии) самые красивые и пленительные из всех, какие только могут быть в мире. Очаровательность их фигуры и естественность грации приводят в восторг. Мужчины почти все рослые и хорошо сложены. Черкесские женщины одни только разделяют ложе с турецким султаном и татарскими князьями. Крымские вельможи имеют наложницами только черкешенок. Примесь этой прекрасной крови много способствовала смягчению безобразия татарского типа и, наконец, совсем искоренила эти истинные подобию обезьян, напоминающие китайцев своими маленькими узкими глазами, сплюснутыми носами, замечаемыми еще у всех ногайцев, не смешавшихся с черкешенками» ([Пейсонель, 1927: 12](#)).

Помимо черноморского побережья, работорговля получает развитие на Северо-Восточном Кавказе, где ее центрами стали кумыцкие селения Эндерей и Аксай. Сюда везли живой товар из всего Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабарды, из других мест ([История народов, 1988: 78](#)). Покупателями являлись местные купцы, а также проживавшие здесь торговцы Стамбула и Анапы. Доходы от такой посреднической торговли были велики ([Броневский, 1823: 1999](#)).

Основу продаваемых рабов составляли лица четырех национальностей: черкесы, грузины, калмыки, абхазцы. По данным М. Пейсонеля, наиболее большим спросом пользовались рабы из черкесов. Он же отмечал, что «грузины составляли второй класс рабов; женщины их красивы, но толсты и не грациозны.

Они не обладают такой деликатностью, какая свойственна черкешенкам. Мужчины крепки и здоровы. Турецкие султаны некогда брали в жены как грузинок, так и черкешенок; но рассказывают, что один султан, проведя ночь с грузинкой, спросил ее, светает ли? Она ответила, что до утра недалеко, потому что она чувствовала потребность, которая всегда являлась у нее к утру в один и тот же час. Султан, рассерженный неприличием такого ответа, тотчас же прогнал ее. Несколько дней спустя, он предложил тот же самый вопрос черкешенке, которая заняла место грузинки. Черкешенка ответила, что заря наступила, так как она чувствовала уже, что утренний зефир развеивал ее волосы. Великий монарх был так удовлетворен этим ответом, что поклялся, что как у него самого, так и его наследников будут допускаться к ложу только черкешенки» ([Пейсонель, 1927: 12](#)).

Далее Пейсонель сообщает, что черкесы платят дань татарскому хану определенным числом рабов, которых этот властелин посылает в Стамбул султану. Султан награждает этими рабами окружающих его лиц и турецких офицеров, являющихся ко двору с поручениями от оттоманского министра.

Рабы представляют собою товар, цены на который колебались более чем значительно. Все: возраст, начиная с детского, различные цели, для которых рабы предназначаются, пол, красота, стройность, знания, физическая сила, состояние здоровья – совокупность всех этих параметров определяла цену раба, которая, по оценке М. Пейсонеля, колебалась от 60 до 5–6 тысяч пиастров ([Пейсонель, 1927: 13](#)). По всей вероятности, речь идет о продаже раба в самой Турции.

В фундаментальном труде «История народов Северного Кавказа» приводятся следующие цены на рабов в русских серебряных рублях. У адыгов (черкесов) стоимость девушки или женщины колебалась обычно от 200 до 800 руб. серебром. За продажу девушки, предназначенной в гарем, платили от 800 до 1500 руб. серебром. Цена при покупке мальчика на турецком рынке была в пределах от 200 до 500 руб. серебром (История народов, 1988: 109). В то же время фиксировались случаи и более высокой стоимости за девушку. Так, в 1834 г. администрация Черноморского казачьего войска выкупила у черкесов захваченную в плен при разграблении хутора казачью девицу Пелагею Дроздову. Стоимость девицы составила 1774 (одна тысяча семьсот семьдесят четыре) рубля! (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 851. Л. 1). Это максимальная стоимость за пленника, известная нам, который был продан в Черкесии в XIX веке! Для сравнения, капитан русской армии в это время получал 300 рублей в год (Cherkasov et al., 2014: 68). Очевидно, что в Стамбуле перекупщики-работорговцы в несколько раз поднимали стоимость своего товара.

Следует иметь в виду, что соотношение турецкого пиастра к русскому рублю серебром было следующим: в середине XVIII века 1 пиастр приравнялся максимально к 75 копейкам. Если произвести перерасчет 6 тыс. пиастров в рубли, то получим цифру в 4,5 тыс. сер. рублей. Таким образом, суммы, названные Пейсонелем, мы считаем вполне правдоподобными.

По правилам того времени евреям и христианам, какой бы национальности они ни были, запрещалось покупать рабов из числа черкесов и абазов, потому что они считались магометанами (Пейсонель, 1927: 13).

В работорговле учитывались и этнические особенности живого товара. Так, в середине XVIII века торговля рабами в Абхазии была очень выгодна для их покупателей ввиду очень низких продажных цен. Главный контингент рабов здесь состоял из людей, попавших к беям в плен во время междоусобиц и взаимных нападений, которые почти никогда не прекращались в этой стране. У работорговцев порода людей Абхазии считалась гораздо хуже, чем Черкесии, и поэтому за раба абаза дают только половину того, что предлагается обыкновенно за рабов из Черкесии (Пейсонель, 1927: 30).

Есть основание считать, что именно невысокая цена на рабов из Абхазии имела следствием вывоз турками большого количества абхазских женщин, в первую очередь красивых. В результате к середине XIX века их осталось очень мало (Народы России, 1879: 368).

Вопрос о количестве вывозимых с Кавказа рабов до сих пор остается открытым. Приводимые данные существенно отличаются, да и не могут соотноситься по времени и территориально. Так, И.Ф. Бларамберг приводит такую цифру: до принятия Грузии в состав России ежегодная численность рабов, продаваемых туркам в портах восточного побережья Черного моря, оценивается в 3 тыс. человек (Бларамберг, 1834: 362). По всей вероятности, И.Ф. Бларамберг имел в виду только Картли-Кахетинское царство, и то цифра эта не учитывала захваченных лезгинами в Грузии пленников.

Помимо этого, из Черкесии в год вывозилось до 4 тыс. невольников (Шамиль, 1953: 127). Вывозили невольников также абхазы, мингрельцы, гурийцы. Нам представляется, что только в мирное время, то есть без учета пленников, захваченных в набегах, на Черноморском побережье могло продаваться от 10 до 12 тыс. человек. При этом количество продаваемых людей из века в век сокращалось. В качестве примера можем привести Абхазское княжество, где во внутренних областях из-за работорговли было по 4,4 человека в семье, а на соседней территории Самурзакани, где работорговля была запрещена, – 6,2 (Cherkasov et al., 2016: 61).

Несколько слов необходимо сказать и о правовом статусе раба. Рабы, происходившие от пленников, не имели никаких прав – ни личных, ни имущественных. Рабыни могли иметь только временного мужа. Рабов могли иметь и крестьяне. Время и труд раба принадлежали его владельцу (Бобровский, 1893: 27). Следует отметить, случалось, что «дряхлах» рабов черкесы отпускали на волю. Так, в мае 1798 г. черкесы освободили из рабства двух рабов: 77-летнего поляка Павла Бодва и 89-летнего армянина Мартина Арикелова (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 379. Л. 150б.). По всей вероятности, пользы в хозяйстве от этих людей уже не было.

С начала XIX века (третий этап) российское правительство предпринимает шаги для пресечения работорговли на Кавказе. В 1804 г. оно обнародовало постановление, категорически запрещавшее работорговлю на Черноморском побережье, а также на других невольничьих рынках Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Предпринятые меры значительно сократили, но окончательно не ликвидировали работорговлю (История народов, 1988: 78–79).

Генерал Р. Фадеев писал, что принятие Грузии под русскую власть положило конец работорговле, но не сразу. Чтобы очистить Закавказье от лезгинских банд, необходимо было истреблять их в течение 15 лет (Фадеев, 1860: 18). Отметим, что первым офицером российской императорской армии, погибшим в начавшейся Кавказской войны, стал штабс-капитан Кабардинского мушкетерского полка Габуадзе. Это произошло 15 августа 1802 года при нападении лезгин на пост Чикаани (Сборник сведений, 1901: 3).

До 1828 г. крепость Анапа оставалась за Турцией и продолжала быть транзитным пунктом работорговли. В это время так выглядел невольничий караван в описании Броневского: «...скованных пленников по два вместе за одну руку приводят большими конвоями через земли чеченские, ингушевские и черкесские скрытными дорогами мимо российских караулов до Анапы. Прежде такие

караваны отправлялись также через Куманскую и Кубанскую степь в Крым и оттуда в Константинополь. Ныне сим путем перевозить пленников строго запрещено со стороны Российского правительства. Женщинам дают лошадей и имеют за ними особенный присмотр, а прочих пленников ведут пеших и кормят досыта, чтобы в дороге не ослабли. Из Джар лезгины проводят пленников через Грузию также скрытыми дорогами по горам и лесам в Ахальцых и оттуда далее в Черноморские пристани Батум и Потти. Но дабы умножить добычу похищением грузинских жителей, разделяются на малые отряды; одни провожают пленных, другие имеют в предмете новые поиски, стараясь, однако же, возвратиться в Джары того же лета или до наступления глубокой осени» (Броневский, 1823: 313–314).

Цена за раба в 100–200 рублей была настолько велика для горца, что заставляла идти на разные хитрости для завладения человеком. Нередко отец сам продавал своих детей иногда и для того, чтобы не украли их у него соседи, в особенности этого стоило опасаться, если его дети статны и красивы. Однако продажа крестьян помещиками и отцами своих детей не была основным источником пополнения рабов.

Основными источниками пополнения пленных были:

1. **Внутренние войны**, которые происходили из-за межплеменных распрей, а также распрей между разными коленами одного общества. В отмщение за нанесенную обиду обычаем были позволены взаимные набеги с захватом людей и скотины. Такая домашняя война доставляла множество пленников, из которых знатные и богатые выкупались родственниками, а остальные отправлялись на продажу или оставались в качестве рабов для домашней работы, в своем большинстве в качестве пастухов.

2. **Набеги** предпринимались специально в христианские земли, чаще всего в Грузию. Для горских народов главный предмет набега – пленники. Зона деятельности – вдоль Кавказской линии, а также в российские пределы. В плен чаще захватывались отдельные путники или работающие на полях крестьяне. В случае пленения жертве завязывали глаза или накидывали на голову кожаный мешок (шулук), чтобы пленник не смог увидеть тех мест, через которые его будут проводить, предупреждая, таким образом, возможность побега. В Мингрелии и Гурии сами князья и помещики производили торг пленниками, которых захватывали в результате внутренних войн или продавая собственных рабов. В Имеретии запрещение царя Соломона I продавать пленников имело силу, а в Грузии не дешево доставалась добыча после установления там русского военного присутствия. В то же время набеги в Черкесии были обычным делом. Так, в декабре 1850 г. абадзехи напали на аул мирных черкесов и увели более 60 человек с целью продать их туркам (Ivantsov et al., 2017: 874).

3. **Похищение** людей в мирное время у своих соседей или знакомых почиталось за доблесть для горского наездника, главное, чтобы подвиги его оставались в тайне, в противном случае была неизбежна его гибель (Броневский, 1823: 309–310).

Этими тремя способами комплектовалось большое количество невольников, которые доставляются на невольничьи рынки в Анапу, Кодос, Изгаур, Сухум-Кале, Потти и Батум. Находящиеся там турецкие купцы нагружают ими свои корабли и отправляются в Константинополь, а потом в Египт и в Левант.

В июне 1810 г. русским корветом «Крым» недалеко от Геленжан-кале было захвачено турецкое работорговое судно с 66 пленниками на борту. Среди пленников было 15 русских, 41 абазинец и 10 черкесов. Средний возраст пленников составлял 14,9 года (для мужчин – 13,8, а для женщин – 16,6 года) (Cherkasov et al., 2017: 856).

В ноябре 1841 года другой из таких торговых кораблей был захвачен шхуной Черноморского флота. На судне оказалось 148 человек, из них горцев мужского пола – 28 человек, женского – 17, девиц – 48, детей мужского пола – 5, детей женского пола – 32 (АКАК, 9: 524).

С начала XIX века активный захват пленников на территории Черноморского казачьего войска стали осуществлять черкесы. На протяжении длительного времени русская администрация была вынуждена выкупать или обменивать своих сограждан и тем самым, сама того не желая, поддерживать работорговые отношения в регионе (Rajović et al., 2017; Rajović et al., 2018). Ю.Ю. Клычников отмечал, что существовала целая отработанная технология похищения людей на русской стороне. Так, посещая казачьи станицы, горцы старались разузнать благосостояние той или иной семьи, чтобы при похищении установить размеры выкупа. В него включалась и стоимость содержания невольника, причем не только пища, но и «амортизация» кандалов, в которые он был закован. К пленнику относились как к ценному товару (Klychnikov, 2017: 44).

Несмотря на включение Абхазского княжества в состав Российской империи, владетельный князь Михаил Шервашидзе, который осуществлял гражданское управление в княжестве, и в 1840-е гг. продолжал заниматься выгодной работорговлей с турками. Абхазский князь в год продавал не менее 400 мальчиков и девочек, что составляло в то время около 1 % населения (Cherkasov et al., 2017a: 70).

На протяжении всей Кавказской войны работорговля продолжалась контрабандно. Однако были и другие варианты доставки «живого товара». Так, имеются данные о том, что джигеты доставляли рабов на невольничьи рынки официально под предлогом паломничества мусульман в Мекку (Documents and materials, 2016: 119). Для того чтобы иметь представление о степени желания торговать «живым товаром» у племени джигетов, необходимо привести такой яркий пример. В мае

1852 года русской администрацией предпринимались инициативы по склонению джигетов к прекращению войны. Джигеты выставили два требования, одним из которых было право свободного вывоза девушек на продажу в Турцию (Cherkasov et al., 2015).

Последний завершающий удар по работорговле на Черном море был нанесен в самом конце Кавказской войны, когда племена, занимавшиеся работорговлей, покинули причерноморское побережье. С этого момента с отдаленных уголков Кавказа вести караваны рабов стало просто некуда, в результате население на Кавказе стало искать альтернативные грабежам и захвату пленников варианты заработка.

4. Заключение

Исследование позволяет выделить три этапа эволюции работорговли на Кавказе, которые отличаются масштабами торговли живым товаром. После падения Византии и возросшего влияния Османской империи в регионе с Кавказа буквально хлынул поток рабов, продаваемых на невольничьих рынках Черноморского побережья. Рост работорговли был обусловлен возросшим спросом на живой товар на внешних рынках, в первую очередь турецком. Спрос привел к росту цен на рабов и стимулировал на Кавказе развитие промысла охоты на людей с использованием различных приемов и способов их получения исключительно с целью последующей продажи.

Работорговля на Кавказе имела для горских обществ и христианских народов самые отрицательные последствия: вывоз лучших по своим качествам мужчин, женщин, а также детей. Стремление получить как можно больше живого товара инициировало междоусобицы племен, организацию набегов и похищений с целью захвата пленных. Подобная практика нанесла огромный демографический, экономический, моральный урон Кавказу.

Вместе с тем работорговля стала своеобразной экономической составляющей во взаимоотношениях Османской империи с горцами Кавказа, обусловившей стимулирование работорговли, а также политическую ориентацию на Стамбул.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках Государственного задания Минобрнауки РФ – проект № 33.2830.2017/4.6.

Литература

- АКАК, 9 – Акты Кавказской археографической комиссии. В 13 т. Т. 9. Тифлис, 1876.
- Бахтин, 2012 – Бахтин А.Г. Плен и рабство в период монгольского завоевания и в Золотой Орде по восточным источникам // *Вестник Марийского государственного университета*. 2012. № 10. С. 31–38.
- Бларамберг, 1834 – Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Санкт-Петербург, 1834.
- Бобровский, 1893 – Бобровский П.О. Кубанский егерский корпус 1786–1796 гг. Санкт-Петербург, 1893.
- Браунинг, 1958 – Браунинг Р. Рабство в Византийской империи (600–1200 гг.) // *Византийский временник*. 1958. Т. 14 (39). С. 38–55.
- Броневский, 1823 – Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2 ч. Ч. 2. Москва, 1823.
- Возгрин, 2011 – Возгрин В.Е. Рабство в странах Черного моря (позднее Средневековье – Новое время) // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия История*. 2011. № 3. С. 90–100.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
- Дзуганов – Дзуганов Т.А. Особенности и характер черкесской работорговли в XIII–XV вв. / *Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX вв.: направления и динамика интеграционных процессов. Сборник научных статей по материалам региональной научной интернет-конференции*. Нальчик, 2015. С. 16–28.
- История народов, 1988 – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.
- Карпов, 1982 – Карпов С.П. Венецианская работорговля в Трапезунде (конец XIV – начало XV в.) // *Византийские очерки*. М., 1982. С. 191–207.
- Летурно, 1897 – Летурно Ш. Эволюция рабства. Москва, 1897.
- Лучицкий, 1886 – Лучицкий И. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев, 1886.
- Народы России, 1879 – Народы России. В 8 т. Т. 4. Санкт-Петербург, 1879.
- Новичев, 1978 – Новичев А.Д. Рабство в Османской империи в Средние века // *Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества*. Вып. 2. Ленинград, 1978. С. 55–72.
- Отечественная история, 1994 – Отечественная история: Энциклопедия в 5 т. Т. 1. М., 1994.
- Пейсонель, 1927 – Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 гг. Краснодар, 1927.
- Путешествие Шардена, 1902 – Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. Тифлис, 1902.

Сборник сведений, 1901 – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Сост. А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901.

Тенгинский полк, 1900 – Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846 гг. / Сост. поруч. Ракович. Тифлис, 1900.

Фадеев, 1860 – *Фадеев Р.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

Шамиль, 1953 – Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси, 1953.

Cherkasov et al., 2014 – *Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V.* (2014). The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict // *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 2014. 8(3): 64-72.

Cherkasov et al., 2015 – *Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S.* Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years) // *Bylye Gody*. 2015. (4). 38: 888-893.

Cherkasov et al., 2016 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S.* Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 53-66.

Cherkasov et al., 2017 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the Early 19th century // *Annales Ser. hist. sociol.* 2017. 27 (4): 851-864.

Cherkasov et al., 2017a – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research // *Bylye Gody*. 2017. 43(1): 68–85.

Documents and materials, 2016 – Documents and materials, 2016 – Documents and materials on the History of Jigetiya Spanning the Period from 1750 to 1868 (A collection of documentary materials) / Under the editorship of A.A. Cherkasov. Sochi: Academic Publishing House Researcher, 2016.

Inozemtseva, 2017 – *Inozemtseva E.I.* To the Issue of the Concepts and Terms of the Slavery Institution in the Late Medieval Dagestan // *Slavery: Theory and Practice*, 2017, 2(1): 31-41.

Ivantsov et al., 2017 – *Ivantsov V.G., Cherkasov A.A., Smigel M., Valleau A.* The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861) // *Bylye Gody*. 2017. 45(3): 871-877.

Klychnikov, 2017 – *Klychnikov Yu.Yu.* The Factor of Slave Trade in the Russian Politics in the Northern Caucasus // *Slavery: Theory and Practice*, 2017, 2(1): 42-51.

Křížová, 2013 – *Křížová M.* Otroctví v Novém světě od 15. do 19. století. Praha, 2013.

Rajović et al., 2017 – *Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.* The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I // *Bylye Gody*. 2017. 46(4). pp. 1261-1274.

Rajović et al., 2018 – *Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.* The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part II // *Bylye Gody*. 2018. 47(1). pp. 153-160.

Seeräuberei, 1940 – Seeräuberei im Mittelmeer. Dunkle Blätter europäischer Geschichte von Otto Eck. München-Berlin, 1940.

Surguladze, 2015 – *Surguladze M.* A Christian Coalition: The Georgian King David IV in the Struggle against the Seljuk Turks (the Late 11th and Early 12th Centuries) // *Crusader*. 2015. Vol.(2). Is. 2. pp. 60-122.

Noord en Oost Tartarie, 1692 – Noord en Oost Tartarie, ofte bondigh ontwerp van eenige dir landen en volken, zo als voormaels bekend zyn geweest... beschreven, getekent en in't licht gegeven door Nicolaes Witsen. Amsterdam. 1692. Bl. 382-383.

Quirini-Popławska, 1998 – *Quirini-Popławska D.* Niektóre aspekty niewolnictwa w Republice Weneckiej XIV i XV wieku // *Niewolnictwo i niewolnicy w Europie od starożytności po czasy nowożytne*. Kraków. 1998. S. 155-172.

References

АКАК, 9 – Акты Кавказской археологической комиссии [Acts of the Caucasian Archeographic Commission]. V 13 t. T. 9. Tiflis, 1876.

Bakhtin, 2012 – *Bakhtin A.G.* (2012). Plen i rabstvo v period mongol'skogo zavoevaniya i v Zolotoi Orde po vostochnym istochnikam [Captivity and slavery in the period of the Mongol conquest and in the Golden Horde according to Eastern sources]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 10. pp. 31–38. [in Russian]

Blaramberg, 1834 – *Blaramberg I.F.* (1834). Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisaniye Kavkaza [Historical, topographical, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

Bobrovskii, 1893 – *Bobrovskii P.O.* (1893). Kubanskii egerskii korpus 1786–1796 gg. [Kuban Chasseurs Corps]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

Brauning, 1958 – *Brauning R.* (1958). Rabstvo v Vizantiiskoi imperii (600–1200 gg.) [Slavery in the Byzantine Empire (600–1200)]. *Vizantiiskii vremennik*. T. 14 (39). pp. 38–55. [in Russian]

- [Bronevskii, 1823](#) – *Bronevskii S.* (1823). Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze [The latest geographical and historical news about the Caucasus]. V 2 ch. Ch. 2. Moskva. [in Russian]
- [Vozgrin, 2011](#) – *Vozgrin V.E.* (2011). Rabstvo v stranakh Chernogo morya (pozdnee Srednevekov'e – Novoe vremya) [Slavery in the Black Sea countries (later Medieval – New time)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. № 3. pp. 90–100. [in Russian]
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [State archive of the Krasnodar Krai].
- [Dzuganov, 2015](#) – *Dzuganov T.A.* (2015). Osobennosti i kharakter cherkesskoi rabotorgovli v XIII–XV vv. [Features and nature of the Circassian slave trade in the XIII – XV centuries]. *Sotsial'no-politicheskoe i kul'turnoe prostranstvo Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza v XVI – nachale XX vv.: napravleniya i dinamika integratsionnykh protsessov. Sbornik nauchnykh statei po materialam regional'noi nauchnoi internet-konferentsii*. Nal'chik. pp. 16–28. [in Russian]
- [Istoriya narodov, 1988](#) – *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.)* [History of the peoples of the North Caucasus (the end of the XVIII century – 1917)]. M., 1988.
- [Karpov, 1982](#) – *Karpov S.P.* (1982). Venetsianskaya rabotorgovlya v Trapezunde (konets XIV – nachalo XV v.) [Venetian slave trade in Trapezund (late XIV - early XV century)]. *Vizantiiskie ocherki*. M. pp. 191–207.
- [Luchitskii, 1886](#) – *Luchitskii I.* (1886). Rabstvo i russkie raby vo Florentsii v XIV i XV vv. [Slavery and Russian slaves in Florence in the 14th and 15th centuries]. Kiev. [in Russian]
- [Narody Rossii, 1879](#) – *Narody Rossii* [Peoples of Russia]. V 8 t. T. 4. Sankt-Peterburg, 1879.
- [Novichev, 1978](#) – *Novichev A.D.* (1978). Rabstvo v Osmanskoi imperii v Srednike veka [Slavery in the Ottoman Empire in the Middle of the Century]. *Problemy sotsial'noi struktury i ideologii srednevekovogo obshchestva*. Vyp. 2. Leningrad. pp. 55–72. [in Russian]
- [Otechestvennaya istoriya, 1994](#) – *Otechestvennaya istoriya* [National history]: Entsiklopediya v 5 t. T. 1. M., 1994. [in Russian]
- [Peisonel', 1927](#) – *Peisonel' M.* (1927). Issledovanie trgovli na cherkessko-abkhazskom beregu Chernogo morya v 1750–1762 gg. [Study of trade on the Circassian-Abkhaz Black Sea coast in 1750–1762]. Krasnodar. [in Russian]
- [Puteshestvie Shardeny, 1902](#) – *Puteshestvie Shardeny po Zakavkaz'yu v 1672–1673 gg.* [Chardin's journey through the Caucasus in 1672–1673]. Tiflis, 1902. [in Russian]
- [Sbornik svedenii, 1901](#) – *Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya voyn Kavkazskogo, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae 1801–1885 gg.* [Collection of information on the losses of the Caucasian troops during the wars of the caucasian-gore, persian, turkish and in the Trans-Caspian region in 1801-1858]. Sost. A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. [in Russian]
- [Tenginskii polk, 1900](#) – *Tenginskii polk na Kavkaze. 1819–1846 gg.* [Tengin Regiment in the Caucasus. 1819–1846]. Sost. poruch. Rakovich. Tiflis, 1900. [in Russian]
- [Fadeev, 1860](#) – *Fadeev R.* (1860). Shest'desyat let Kavkazskoi voyny [Sixty Years of the Caucasian War]. Tiflis. [in Russian]
- [Shamil', 1953](#) – *Shamil'* – stavlennik sultanskoi Turtsii i angliiskikh kolonizatorov [Shamil – a protege of sultan Turkey and British colonialists]. *Sbornik dokumental'nykh materialov*. Tbilisi, 1953.
- [Cherkasov et al., 2014](#) – *Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V.* (2014). The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 8(3): 64-72.
- [Cherkasov et al., 2015](#) – *Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S.* (2015). Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years). *Bylye Gody*. (4). 38: 888-893.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S.* (2016). Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. *Bylye Gody*. 39(1): 53-66.
- [Cherkasov et al., 2017](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2017). The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the Early 19th century. *Annales Ser. hist. sociol.* 27 (4): 851-864.
- [Cherkasov et al., 2017a](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2017). The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research. *Bylye Gody*. 43(1): 68–85.
- [Documents and materials, 2016](#) – *Documents and materials, 2016* – Documents and materials on the History of Jigetiya Spanning the Period from 1750 to 1868 (A collection of documentary materials). Under the editorship of A.A. Cherkasov. Sochi: Academic Publishing House Researcher, 2016.
- [Inozemtseva, 2017](#) – *Inozemtseva E.I.* (2017). To the Issue of the Concepts and Terms of the Slavery Institution in the Late Medieval Dagestan. *Slavery: Theory and Practice*, 2(1): 31-41.
- [Ivantsov et al., 2017](#) – *Ivantsov V.G., Cherkasov A.A., Smigel M., Valleau A.* (2017). The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861). *Bylye Gody*. 45(3): 871-877.
- [Klychnikov, 2017](#) – *Klychnikov Yu.Yu.* (2017). The Factor of Slave Trade in the Russian Politics in the Northern Caucasus. *Slavery: Theory and Practice*, 2(1): 42-51.
- [Křížová, 2013](#) – *Křížová M.* (2013). Otroctví v Novém světě od 15. do 19. století. Praha.

Rajović et al., 2017 – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. (2017). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I. *Bylye Gody*. 46(4). pp. 1261-1274.

Rajović et al., 2018 – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. (2018). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part II. *Bylye Gody*. 47(1). pp. 153-160.

Seeräuberei, 1940 – Seeräuberei im Mittelmeer. Dunkle Blätter europäischer Geschichte von Otto Eck. München-Berlin, 1940.

Surguladze, 2015 – Surguladze M. (2015). A Christian Coalition: The Georgian King David IV in the Struggle against the Seljuk Turks (the Late 11th and Early 12th Centuries). *Crusader*. Vol.(2). Is. 2. pp. 60-122.

Noord en Oost Tartarie, 1692 – Noord en Oost Tartarie, ofte bondigh ontwerp van eenige dir landen en volken, zo als voormaels bekend zyn geweest... beschreven, getekent en in't licht gegeven door Nicolaes Witsen. Amsterdam. 1692. Bl. 382-383.

Quirini-Popławska, 1998 – Quirini-Popławska D. (1998). Niektóre aspekty niewolnictwa w Republice Weneckiej XIV i XV wieku // Niewolnictwo i niewolnicy w Europie od starożytności po czasy nowożytne. Kraków. 1998. pp. 155-172.

Эволюция института работорговли на Кавказе в IV–XIX вв.

Александр Черкасов ^{a, b, *}, Владимир Иванцов ^c, Михал Шмигель ^d, Сергей Братановский ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

^d Университет Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия

^e Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется процесс трансформации института работорговли на Кавказе в IV–XIX вв. Материалами для подготовки статьи послужили разнообразные источники, а также специальная литература, посвященная различным аспектам темы исследования.

Авторы приходят к выводу, что работорговля на Кавказе имела свои особенности и этапы, определяемые развитием здесь исторического процесса при значительной роли внешних факторов. Так, в период влияния Византии рабство на Кавказе с его составляющими было сравнительно не развито. Ситуация принципиально изменилась с падением Византии, после чего с Кавказа в Османскую империю хлынул поток рабов.

Развитие работорговли на Кавказе имело безусловные отрицательные последствия: как итог – вывоз на невольничьи рынки лучших по своим качествам мужчин, женщин, а также детей; инициирование феодальных междоусобиц и организация набегов с целью захвата пленных. Вместе с тем работорговля стала важной экономической составляющей во взаимоотношениях Османской империи с горцами Кавказа и их политической ориентацией на Стамбул.

Ключевые слова: работорговля, Кавказ, Византия, Османская империя, Грузия, Крым, Египет, кавказские топонимы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sochio03@rambler.ru (А.А. Черкасов),
michal.smigel@umb.sk (М. Шмигель)